

НОМИНАЦИИ ЗВУКОВ ПРИРОДЫ В ИДИОЛЕКТЕ НОСИТЕЛЯ НАРОДНО-РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ

Описаны номинации звуков природы в идиолекте типичного русского старожила Сибири. Рассматриваются обозначения звуков диких и домашних животных, а также природных стихий. Количественный анализ звукообозначений позволяет сделать вывод о том, какие сферы природы наиболее значимы для говорящего. Текстовая реализация данных единиц в повседневной бытовой речи и отдельных фольклорных жанрах даёт возможность реконструировать представления о звуках природы, типичные для носителя традиционной культуры.

Ключевые слова: идиолект; диалектная языковая личность; русские говоры Сибири; звукообозначение; семантика; народно-речевая культура.

Заявленная тема является частью исследования особенностей сенсорного восприятия, отраженных в речи типичного представителя русских старожилов Среднего Приобья. Данная работа выполняется в рамках масштабного проекта по изучению феномена диалектной языковой личности, осуществляемого учеными Томской диалектологической школы (см. подробнее: [1]). В качестве источников материала использованы записи спонтанной речи диалектоносительницы В.П. Вершининой, 1909 г. рождения, сделанные в полевых условиях томскими диалектологами (около 10 000 страниц), а также созданный на их основе «Полный словарь диалектной языковой личности» [2].

Обозначения звуков природы как часть лексико-семантического поля «звук» рассматривались в разных аспектах преимущественно в художественной речи (Н.В. Атаманова, Н.А. Курашкина, Н.А. Мишанкина, Е.В. Падучева, М.В. Попова, И.В. Пархоменко, Е.В. Свинцицкая и др.). Данные единицы были также предметом специальных исследований на материале диалектной и фольклорной речи (М.Г. Вершинина, С.А. Ганичева, В.В. Усачёва, Т.В. Цивьян). Анализ особенностей номинаций звука в идиолексиконе рядового носителя русского языка производится впервые. Цель статьи – описание номинаций звуков природы как фрагмента языковой картины мира носителя традиционной народно-речевой культуры.

Исследование проводилось в ономазиологическом аспекте: от понятия «звук природы» к средствам его языкового выражения. За единицу анализа принят лексико-семантический вариант (ЛСВ) слова или фразеологизма. В состав исследуемого микрополя вошли единицы с общим значением звука, употребляемые по отношению к явлению живой и неживой природы (*орать* ‘издавать громкие крики (о птицах, животных)’, *свистеть* ‘издавать, производить свист’). В то же время были исключены из анализируемого материала ЛСВ, где значение «звук природы» утеряно при метафоризации (*ла'яться* ‘ругаться, браниться’) или при включении во фразеологический оборот (*нетухом запеть* ‘о чувстве радости, восторга’), пословицу (*кото'ра собака лает, та лу'че не укусит, а кото'ра не лает, дак укусит та* – ‘опасен скрытый враг’). Не рассматривались также слова, имеющие звукоподражательные корни (*сверчок*), междометия для подзывания животных (*у'та-у'та*). Однако даже при таком

узком подходе семантическое микрополе «Звуки природы» предстаёт весьма обширным: выявлено 76 номинаций (что составляет около трети всех обозначений звука в идиолекте) и более 250 контекстов.

Чаще всего для номинации звука используются глаголы (*реветь*) и звукоподражательные междометия (*гав*), достаточно редки имена существительные (*рёв*); зафиксированы одно наречие (*рёвом*) и фразеологический оборот, имеющий усилительное значение (*рёвом реветь*).

Звуки природы можно разделить на несколько типов: звуки домашних животных, звуки диких животных, звуки неживой природы. Именно эти противопоставления представляются релевантными для народно-речевой культуры. Рассмотрим номинации этих групп звучания.

Звуки домашних животных обозначают около 50 единиц, отмечено около 200 контекстов с ними. Самыми частотными и разнообразными среди них являются обозначения звуков кошки и собаки.

Кошка как единственное животное, проживающее в доме, чаще всего попадает в поле зрения говорящего. Микрополе обозначений звуков, издаваемых кошкой, включает 18 лексем, в большинстве случаев это диалектные или просторечные варианты общерусских слов. Наиболее употребительны глагол *мя'вкать* и однокоренные ему: *Кышшо'нка мя'вкат и мя'вкат, на улице осталась; Даже не мя'вкнула и домой; Я ему [коту] давала мяса, ну немного, а он всё равно мя'учит бе'гат; А она замя'вала, кы'ска-то опе'ть при мне же; Коробку поставила там, тряпку поло'жила, и в баню унё'рла [кошку]. Она ешо помя'вала мале'нько, и я легла. Часто используются звукоподражания: Она «мяу-мяу, мяу-мяу, мяу-мяу» – ну никакого спок'я нету. Представлены и другие единицы, используемые также для обозначения звуков, издаваемых человеком: *Ой, посты'ла-то кака' [кошка]. Так будет вякаты и вякаты; А сёдни кы'ска в и'збу попала и давай Ваську [кота] тут лупить. Он давай вижже'ть, орать.**

Среди номинаций звуков собаки самым частотным является общерусское обозначение *лаять*: *Я вышла. Шарик лает, я вышла. Используются также однокоренные глаголы с дополнительным семами начала или продолжительности действия: Встала, собака залаяла, я думаю: или он ходил на улицу? – не слышать было; Так-то всё время он лает. На Ивана*

Комара *оне'ть полаял* [пёс]. Другие единицы, обозначающие собачий лай, используются реже: *Я взяла его, да хотела за шею-то взять* [пса], а он так от на меня: «Гав-гав-гав» – за' руки прям; Чё-то всё время собачонка тоже там... *вя'кат*; Как не надоед *тявкать* таку' беду. *Тя'вкат, тя'вкат* [пёс]! Сильный, истошный лай описывается при помощи глаголов со значением интенсивного действия: *Шарик чё-то но'нче лаял. Там ходят по берегу, и он лает без ума, насажа'тся, надрыва'тся*; Я думаю: может, Макар'ич, поди стук'нется. А Шарик *рвёт!* *Рвёт*, лает. Для номинации звуков собаки так же, как и в случае с кошкой, может использоваться обозначение звуков человека, таким образом снимается граница между миром человека и животных: *Я только хотела [подойти] – «гав!» – закричи'л на меня* [пёс]. Обозначается не только лай, но и рычание, вой как звуки, характерные для собаки и вместе с тем имеющие специфический характер звучания: *А я его [пса] стала брать, он прямо рычит, рычит, я его за это место взяла, за ошейник-то его – ну, думаю, тут он меня не достанет, – он как поверь'нётся, как меня тянет!*; И тут Лёню-то как забрали, соба'ки-то прямо выли, увезли...

Среди других звуков животных достаточно часто используются обозначения звуков коровы: *А она говорит это... ну, про коров, корова де-то ревёт, я говорю: ваша ли чё ли?; Вчара' Лена у нас, там телчо'нка – прямо ревом ревёт*. Отмечена также диалектная номинация: *Вон ходит [бык] какой-то бузу'ет*. [Что значит «бузует?»] Ну, *кричит* ли как ли. Так и говорят «бузует».

Номинации звуков кур, цыплят, петухов также частотны и отличаются разнообразием (что соответствует системе литературного языка): *Так а е'то га'кала [курица] – так она, может, там чё-нить де-нибу'дъ увидела; Пару'ня – курица па'рит. Клохчет курица, и её называют «пару'ня»; А петух на эту, на коню'шину залетел: «Ку-ку-ку-у!»; – там поёт; Она гыт: «Я пошла сено давать, а там: “Кок! Кок!” – курица»; Я говорю, гладишь – вытянулся, «пи-пи» – и пропал, гыт [цыплёнок]. Номинации звучания других домашних животных и птиц единичны: [Как купленный поросёнок?] Коля говорит: «Рю'хат»; Хотела, думаю: «однако я куплю овечку ма'леньку да буду ро'стить да и заколю зимой» – а будет тут *орать*; Ну а он выпустил его [барана], Владимир-то: *заскакал, гыт, ревет* прямо, *ревёт...*; [Передаёт речь односельчанки:] «Коня ставила, он *хра'нат*». «Ржёт» надо сказать, а она «*хра'нат*»; Гуся', гусака да гу-си'цу до'ржит. Они ходят по ограде, *регут* тут-ка, в загородке. Периферию поля составляют обозначения неголосовых звуков тех домашних животных, для которых представлено и голосовое звучание: *А у меня борови'шка пёстрый был. А утром встанет – только уши хлопают, и бежит; Ночью усну кода', она [кошка] с печки вот отсэ'да как бахнется на пол, прям и сразу пробужусь*.*

Многочисленны номинации звуков вредителей – мышей и крыс, своеобразной подгруппы животных, которых называют домовыми, в отличие от домашних [3]. Своеобразны и звуки этих животных – они также

являются шумовыми, а не голосовыми. Для их номинации используются преимущественно диалектные единицы со звукоподражательной основой: *От я [в]стала, села, сидела-сидела – шебарча'т* прям! А крысы, наверно, ходят; Ну, но'нче на печке чё-то *шуруди'ло*. Яйца там, скорлупа-то лежит, *яи'чна*. <...> Кто-то у меня сидел, Физа, однако? «Чё-то, гыт, *шуруди'т* на печке». Я пошла. Ну, там, наверно, *мышь*; *Грызлись* [крысы] – прям не дай бог, только *стукото'к* стоит... *хрумото'к*; А потом это у меня как *мышь* заходили, как *заскреблись!* Востребованность диалектных единиц в данном случае объясняется, вероятно, отсутствием соответствующих номинаций в системе литературного языка, в котором представлены обозначения голосового звучания мышей (*писк, пищать*), в речи диалектоносительницы они не отмечены. Своеобразно и собственно звукоподражательное обозначение звуков, свойственных грызунам: *А там у меня сухари были, мешочек сзюфа'новый, засушенный и там положено. Слушаю – там: «скыр-скыр-скыр-скыр!»* Пошла – там уж дырку прогрызли. Мыши. Представлена также невербальная имитация звуков мышей и крыс: *А потом слушаю: [скребёт ногтями по дверце буфета] там, там скребутся мыши*.

Звуки остальных животных информант в своей речи упоминает гораздо реже. Отмечены 13 единиц, 26 употреблений. Среди них выделяется микрополе звучания насекомых, причём для их номинирования обычно используются обозначения широкой звуковой семантики: *Мухи поют, пчёлы поют, и никого. Гудела, гудела муха; «Откэ'да-то муха, говорит, я её убить не могу, и она шурчи'т...»; Ну и ночью у меня шумел всё [комар], реже – специальное обозначение: Ну и ночью у меня жу'же'л всё [комар]*.

Лексемы, обозначающие звуки диких зверей и птиц, немногочисленны: *Де она [рысь] сидела-то? Я не поняла. На дереве, зашипела, гыт; Нет, она [ку-кушка], может, тут она кукует? Может, одна ли две ли там прилетели. Мало их. А раньше-то. «Ку-ку, ку-ку...» – ой, немыслимо!; Раньше от едешь с полей, <...> а они [волки] за Чистым та'мо-ка воют-воют!* Для многих упоминаемых диких животных (медведь, лиса, лягушка, змея, воробей, ворон и др.) звуковые характеристики отсутствуют, хотя в русском языке существуют номинации их звучания, а информант сталкивался с этими животными в жизни. Не зафиксированы в идиолекте и обозначения звуков растений.

Номинации звуков неживой природы немногочисленны, поле включает 12 единиц, 25 употреблений. К звукам неживой природы можно отнести звуки воды, воздуха, грома и других природных явлений. Относительно часто источником звука является текущая и / или бурлящая вода: *На Томи. Она не застыла пуг'тём, а там, видно, ешо' де стрежь-то, она бури'т, вода-то; Яков Мур'за говорит это, что у тебя там чё попало [в сеть], перемёт ли чё ли, гыт, ши'бко бу'лькат*. Для номинации звуков воды диалектоносительница активно использует звукоподражания: *А лук-то поставила на плитку... на плитку. А потом... с ём [сыном] игра'м, игра'м в карты. Слушаю: «буль, буль, буль!» – он сварился у меня! Выкинула; Налью воды*

только – кап, кап, кап [умывальник]!; Копала, копала там лёд [в холодильнике], а потом оттэ'да: фф-ссс! – как её называют? Жидкость-то эта. Вся вышла.

Употребительны также обозначения звуков грозы: Мо'лоньи сверкали – вчара' ли позавчара' ли. Это... гром гремел; Погря'мыват ешо [гром]; У меня хоро'ша икона была. Ка-ак гром грянет, она упадёт – всё изломалась. Источниками звука могут выступать также другие атмосферные явления – ветер, дождь: А ветер был! Ветер сви'шиэт, оборвало провод где ли кого ли – в о'бизм, не было света; Си-ильный пошёл [дождь]. А я думала, град прямо стукал. Шифери'шка тут, как крыша дак... зы'кал.

Номинации звуков животных в речи информанта могут сопровождаться их интерпретацией. Общую модель интерпретации можно представить так: звук – сигнал чего-либо. При этом различается характер связи звука и его смысла, связь может быть как реальной, так и условной, символической. Термин «символическое значение» используем в качестве рабочего, подразумевая, что звук может быть символом абстрактной сущности.

Лай собаки имеет для деревенского жителя утилитарное значение – сообщать о приходе чужих, оберегать от воров: Уснула – слышу, кто-то стукатся, Шарик даёт; А это, хоро'ша собака. Если так хоть кто пойдёт, дак не дай бог. Уви'дют дык отступ'ются, убежут. Большой, да как рывкнет, даёт-то; Я и так его [пса] худо кормлю, не шибко хорошо. А зачем он? Кода' даёт, кода' совсем не даёт. Такие интерпретации регулярно встречаются в текстах. Как отклонение от нормы расценивается и отсутствие необходимых звуков этого животного, и наличие ненужных: ...утираши'ли [воры] весь конбико'рм и... все мешки. [Собаки нет?] Есь собака, гыт, не даяла да-же. Ма'ленька собачонка. Не даяла; Надоел кобель, никакого толку [нет от него] Не даёт. Не даёт, не кусает, в дом не пускает; ...либо по берегу там собачонка ли овечка ли, конь ли, корова – он [пёс] будет даять, насажа'ться прямо. Иногда диалектоносительница интерпретирует лай как просьбу о пище: [Куда пошли?] Шарiku дать [поест], даёт он. Рычание означает проявление агрессии, угрозы: его [пса] только берёшь, а он так за руки хвата'т. <...> А... счас мале'нько, как-то помаленечку, и то – «р-р-р...» – я привязываю его. Не желает. В легенде о «хлебе на собачью долю» вой собак передаёт страдание животных и в то же время выступает как просьба, обращённая к высшим силам: Ну и вот, оспо'дь бог, гыт, прогневался, и голод созда'л. Хлеб, чтобы не... не было никого. Собаки, гыт, воют всё! – это мама рассказывала. <...> Ну и, говорит, собаки воют, гыт, все, это... прям голод! А потом бог, гыт, послал – соба'ччу долю. Мама всё говорила: «Собак корьмить – это на соба'ччу долю счас едим». Вот это говорила, я помню. [А что бог послал?] Ну, хлеб послал. Три года хлеба, гыт, не было. Дак собаки все пропали бы, если так. Если хлеба-то не было. <...> А потом... выли собаки и просили. В другом варианте этой легенды наряду с обозначениями звуков животного использованы обозначения звуков человека: И, гыт, так, гыт, плакали, собаки выли, гыт – прямо, гыт... выли!

Фольклорные тексты, в которых упоминались бы звуки кошки, в речи информанта отсутствуют. Интерпретации звуков кошки разнообразны, но носят сугубо бытовой характер. Чаще всего мяуканье расценивается как просьба о пище: Чё ты заря'вкэл, замя'вкэл? Вон там у тебя есь питание – и ешь. Звуки кошки часто интерпретируются также как проявление болезни или определённого физиологического состояния: Этот раз мя'вкала [кошка] – она, видно, боле'т. Мя'вкат, мя'вкат ночью! Я думаю: наверно, котить-ся будет. Не знаю. Перестала; Так он, заденешь [хвост кота] – он так – «а'у!» прям сразу ревел. А теперь он зажил у него. В определённой ситуации такие звуки воспринимаются информантом как просьба впустить в дом: [В]стала, кы'ска – ну прямо от рёвом ревет, просится, – а она на улице была. В редких случаях животному приписываются эмоции, проявлением которых служит звук: Она [новая кошка в доме] видит, что чужо', стала прямо... Она: «Мяу, мяу!»; [У кошки утопили котят]: Теперь будет це'лу неделю за мной ходить, пишиша'ть. Интерпретация тесно связана с оценкой, в большей части примеров она негативна. В отдельных случаях эмоция, вызванная звуком, обозначена лексически: Мя'вкат – и – ой! «Мя-ау, мя-ау» – вот э'дак вот ходит [кот], надоел. Средством снятия негативных эмоций становится ирония, создаваемая через уподобление звука животного звуку человека: [Коту]: Брысь, не стонай! Надоел.

«Мышиные» звуки являются свидетельством существования животных, если они не видны: [Мышей много?] Я не знаю, много ли немного, ну царапались. Даже от тут от, я клюшкой взяла там, подпиха'ла туды' под низ-то, а там сара'натся, а потом выско-чил мыши отсэ'дова. Звуки мышей, как и сами животные, издающие их, оцениваются отрицательно: ...ладонью так по стене постукай, либо чем-нибудь. Может, не будут [скрестись мыши]. Я постукаю кода', дак они перестают. Прям неприятно как-то. Звучанию мышей приписывается отрицательное символическое значение: Говорят, к худому от эти, мыши грызутся. В речи информанта негативные последствия звука сформулированы обобщённо. Шум мышей под кроватью, по некоторым приметам, предвещает покойника [4. С. 348].

Негативное значение придаётся и пению кур «попугушину», которое расценивается как ненормальное и потому – как дурная примета: Курица кода' поёт – «ой, говорят, к плохому», как-то неприятно было, кода' курицы пели. А бывает, пели курицы. В данном случае символическое значение и непосредственное эмоциональное впечатление от звука («неприятно было») тесно связаны друг с другом. При гадании на женихов согласное кудахтанье курицы и петуха, напротив, воспринимается положительно: И выпустят петуха с курицей. Кото'ры подерутся курица с петухом, дак, значит, мужик будет бить жену. А если не будет, дак тогда' дружно – если попьют, да наговаривают: «Ка-ка-ка-а, ка-ка-ка-а...» – «Ой, хороший муж будет, хорошо будем жить!» В данном случае важна не принадлежность звука определённому животному, а характер этого звука. Со звуковыми

подражаниями курице связаны многие обряды народной культуры, подражание другим животным используется реже [5. С. 296–299].

Несколько народных примет связано со звуками диких птиц. Так, сорока по традиционным представлениям – вестник гостей: *Катерина Вадимовна, наверно, сорока начикота'ла на твои'м дворе <...> Чико'тит кода' сорока-то, говорят, к гостям*. Сам звук сороки при этом воспринимается нейтрально. Звукам кукушки в соответствии с народной традицией придаётся отчётливо негативный смысл: *А кукушка кукует или нет? Говорят – на голый лес, как рано кукует кукушка – худо*. Пение на голый лес (т.е. до появления первых листьев, раньше срока) как прогноз неурожая – славянская примета [6. С. 38]. В речи диалектоносительницы и сама птица воспринимается негативно, что связано с другой приметой: появление кукушки у дома – к смерти: *А кукушка-то прилетела, а сосед-то возьмёт палку <...> да палкой по антенне-то хво'шишт! – Она всё равно кукует. Говорят, к худому, что она кукует, кукушка, а черт ё знает, где к худому, может, правда, где, а может, так. [Если к дому прилетает или в лесу тоже?] К дому, к дому. К дому, она к им на антенну прилетела. <...> Он ружьё-то взял <...> в антенну как стре'лил! – кукушка-то упала да прям на неё, на Нину-то на эту*.

Звуки диких животных вызывают страх: [*волки*] за Чистым та'мо-ка воют-воют! Ой, так прям: «У-у-у!» – жутко прямо даже. Негативная эмоция связана с представлением о самом животном как опасном. В то же время приведённый пример согласуется с тезисом Н.А. Мишанкиной о том, что звуки леса чаще всего воспринимаются как маркер чужого, а значит, опасного пространства [7. С. 8].

Звук грома – единственный из всех звуков неживого мира, получающий символическую интерпретацию. Отмечена примета, в которой особую значимость приобретает первый гром: *Ну я слыхала, Матрёна от говорила: первый гром как грянет, надо перевертываться через голову так, чтобы спина не болела*. Подобные приметы широко известны в славянском мире [8. С. 560].

Своеобразной чертой интерпретации звукообозначений в идиолекте можно назвать также случаи ошибочного восприятия. Так, звуки человека могут восприниматься как звуки животного: *Это, пойдём дрова резать, с ём [односельчанином], а он это, режет, а у его чё-то свистело, это лёгки, ли чё ли так. Там: ф-ф-ф-ю! Режем [дрова], а я всё думаю: где птички поют-то? Кода режем, а у его там: «ф-ф-ф-ю!» – свистит. Возможна и обратная ситуация (звуки животного ошибочно принимаются за звуки человека): [*Кот стучит лапой*] Так ночью за-стук'кат, я думаю, кто стук'катся [в дом]. Звуки артефактов могут быть восприняты как звуки природы: *Ночью от так от машины идут, я думаю: гром ли чё ли гремит?* Такие примеры ярко отражают целостность восприятия мира, характерную для диалектоносителя. Возможно, подобные примеры имеют фольклорную основу, так как они близки приёму отрицательного сравнения.*

Проанализировав обозначения звуков природы в идиолекте, реализованные в текстах бытовой речи и некоторых фольклорных жанрах (приметы, легенда), можно сделать следующие выводы. Во-первых, своеобразны способы номинации звука. Характерная особенность речи В.П. Вершининой – использование обозначений звуков человека для передачи звуков животных (*стонать, визжать, орать* – о кошке, *кричать, закричать* – о быке, собаке, *наговаривать* – о курах, *петь* – о птицах, насекомых). Эта черта идиолексикона отражает представления о мире как о целом, в котором «всё связано со всем» [9. С. 343–344; 10. С. 7–9; 11. С. 105]. По-видимому, данную особенность можно считать специфической именно для носителей диалекта, так как она отмечается и в других русских говорах [12. С. 59].

Используемые диалектные единицы могут не иметь соответствующих лексем в системе литературного языка (здесь выделяется подгруппа обозначений шумовых звуков грызунов: *шебарчи'ть, шуруди'ть, стукото'к, скыр-скыр-скыр-скыр*). Для обозначения звуков животных в отдельных случаях употребляются единицы, которые в литературном языке включают сему «звук» лишь в качестве периферийной (*рвать, грызться*). Можно отметить также широкое использование звукоподражаний, что является одним из проявлений изобразительности как характерного принципа повествования в народно-речевой культуре [13].

В лексиконе диалектоносителя поле «звуки природы» асимметрично: номинации звуков живой природы преобладают над номинациями звуков неживой природы (в 3 раза больше ЛСВ, в 4 раза больше контекстов). Это связано с большей значимостью сферы живого в диалекте. Сфера звуков живого представлена в идиолекте звуками зверей, птиц и насекомых, отсутствуют обозначения звуков растений. Микрополе «домашние животные» гораздо обширнее микрополя «дикие животные» (по числу ЛСВ – в 2 раза, по числу употреблений в речи – в 4 раза). Эти выводы в целом совпадают с теми, что были получены при изучении обозначений звука в пермских говорах [12. С. 59; 14. С. 41].

Звук по сравнению с другими перцептивными свойствами и процессами (цветом, светом, размером, запахом, вкусом) оценивается довольно редко. Обычный критерий оценки – практический: негативно оцениваются громкие, навязчивые звуки кота, представлена позитивная оценка громкого лая собаки, отпугивающего воров. Обозначения звуков неживой природы чаще всего нейтральны в эмоциональном плане.

Звучанию животных диалектоноситель приписывает разнообразные значения, бытовые (мяуканье кошки – просьба) или символические (кукование у дома – к смерти). Символические значения, зафиксированные в приметах, отражают традиционные народные представления о животных. При этом звуки одних животных оцениваются однозначно отрицательно (волк, мыши, кукушка), других – нейтрально (звуки сороки), третьих – амбивалентно (курица, собака).

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванцова Е.В. Идиолектология // Томская диалектологическая школа: историографический очерк / под ред. О.И. Блиновой. Томск, 2006. С. 157–164.
2. Полный словарь диалектной языковой личности / под ред. Е.В. Иванцовой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006–2012. Т. 1–4.
3. Домашние животные // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб. : Брокгауз-Ефрон. 1890–1907. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/37926 (дата обращения: 21.11.2014).
4. Гура А.В. Мышь // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М. : Междунар. отношения, 2004. Т. 3. С. 347–349.
5. Гура А.В. Кукушка // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М. : Междунар. отношения, 2004. Т. 3. С. 36–40.
6. Усачёва В.В. Звукоподражание // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М. : Междунар. отношения, 1999. Т. 2. С. 296–299.
7. Мишанкина Н.А. Феномен звучания в интерпретации русской языковой метафоры : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2002. 23 с.
8. Толстой Н.И. Гром // Славянские древности: этнолингвистический словарь М. : Междунар. отношения, 1995. Т. 1. С. 558–560.
9. Иванцова Е.В. Исследование типологических черт диалектной языковой личности // Языковая личность: моделирование, типология, портретирование (Сибирская лингвоперсонология) / под ред. Н.Д. Голева, Н.Н. Шпильной. М. : Ленанд, 2014. С. 308–347.
10. Гынгазова Л.Г. Физическое и духовное пространство в дискурсе носителя традиционной культуры // Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте. Томск : UFO-PLUS, 2007. С. 107–109.
11. Гынгазова Л.Г. Метафорическое миромоделирование в дискурсе языковой личности // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010. № 1 (9). С. 7–11.
12. Вершинина М.Г. Диалектная звуковая картина мира: зоофоносфера (на материале пермских говоров) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 11 (29) : в 2 ч. Ч. II. С. 58–60. URL: www.gramota.net/materials/2/2013/11-2/12.html (дата обращения: 28.11.2014).
13. Гольдин В.Е. Изобразительность диалектной речи // Бюллетень фонетического общества. № 7. Тексты устной речи. Бохум, 2001. С. 49–58. URL: <http://sarteorlingv.narod.ru/Articles/Izobrazitel.htm> (дата обращения: 20.11.2014).
14. Вершинина М.Г. Лексика природы как фрагмент диалектной звуковой картины мира (на материале пермских говоров) // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Русская филология. 2013. № 5. С. 40–44.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 10 декабря 2014 г.

NOMINATIONS OF NATURE SOUNDS IN THE IDIOLECT OF THE FOLK SPEECH CULTURE REPRESENTATIVE

Tomsk State University Journal, 2015, 391, 52–57. DOI 10.17223/15617793/391/8

Kuznetsova Svetlana S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: opty@sibmail.com

Keywords: idiolect; dialect language personality; Siberian dialects of Russian; sound nomination; semantics; folk speech culture.

The article describes a fragment of the idiolect of a folk speech culture representative – nominations of nature sounds. In the studied material lexemes naming sounds of wild and domestic animals and natural elements are presented. Nominations of plant sounds are not fixed in the idiolect. Among the nominations of domestic animal sounds, lexemes which mean 'sound of a cat' are the most numerous group. A little fewer lexemes characterizes the sounds of a dog. Nominations of mouse sounds, as well sounds of hens, geese, cows, pigs and other domestic animals, are presented. Nominations of noisy sounds of mice are numerous; many of them are dialectal units. Nominations of wild animal sounds are a small group despite the fact that they present sounds of different types of animals (insects, birds and animals). The mention of the sounds of wild birds (cuckoo, magpie) is associated with superstitious beliefs. The sounds of inanimate nature (thunder, wind, water) are also rarely mentioned. The dialect speaker often interprets animal sounds as a signal. For example, cat's meowing is treated as a request for food. The sounds of nature, moreover, can be attributed a certain symbolic value in accordance with the folk tradition. There are folk signs associated with the sounds of the cuckoo, magpie, chicken, mice, and thunder in the studied idiolect. The mention of animal sounds has an extremely negative assessment on the emotional level. This is due to the fact that animals are evaluated by the dialect language personality by the pragmatic criterion, the sound is not important from this point of view. With the exception of the nomination of the dog barking, which has a practical value and, due to this, gets a positive rational assessment. Mentions of the sounds of inanimate nature are usually emotionally neutral, and this confirms their overall low value. There are numerous dialect words among the nominations of nature sounds, and this is explained by the relevance of this sphere in the peasant life. At the same time, the high frequency of some tokens on the background of the rarity of others leads to the conclusion that for the informant the most valuable natural sphere is "domestic animals". Specifics of nature sound nominations consists, first, in the extensive use of onomatopoeia, and, second, in using lexemes that can characterize man for naming sounds of animals. These observations correlate with the findings about such peculiarities of the informant's outlook as imaginative and undifferentiated, holistic perception of the world.

REFERENCES

1. Ivantsova E.V. *Idiolektologiya* [Idiolectology]. In: Blinova O.I. (ed.) *Tomskaya dialektologicheskaya shkola: istoriograficheskiy ocherk* [Tomsk Dialectological School: historiographical essay]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2006, pp. 157–164.
2. Ivantsova E.V. (ed.) *Polnyy slovar' dialektnoy yazykovoy lichnosti* [Complete Dictionary of the dialect language personality]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2006–2012. Vols. 1–4.
3. *Domashnie zhivotnye* [Domestic animals]. *Entsiklopedicheskiy slovar' F.A. Brokgauza i I.A. Efrona* [Collegiate Dictionary of F.A. Brockhaus and I.A. Efron]. St. Petersburg: Brokgauz-Efron Publ., 1890–1907. Available from: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/37926. (Accessed: 21st November 2014).
4. Gura A.V. *Mysh'* [Mouse]. In: *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: ethno-linguistic dictionary]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 2004. Vol. 3, pp. 347–349.
5. Gura A.V. *Kukushka* [Cuckoo]. In: *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: ethno-linguistic dictionary]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 2004. Vol. 3, pp. 36–40.
6. Usacheva V.V. *Zvukopodrazhanie* [Onomatopoeia]. In: *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: ethno-linguistic dictionary]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 1999. Vol. 2, pp. 296–299.
7. Mishankina N.A. *Fenomen zvuchaniya v interpretatsii russkoy yazykovoy metafory*: avtoref. dis. kand. filol. nauk [The phenomenon of sound in the interpretation of Russian language metaphor. Abstract of Philology Cand. Diss.]. Tomsk, 2002. 23 p.

8. Tolstoy N.I. *Grom* [Thunder]. In: *Slavyanskije drevnosti: etnolingvističeskij slovar'* [Slavic Antiquities: ethno-linguistic dictionary]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 1995. Vol. 1, pp. 558–560.
9. Ivantsova E.V. *Issledovanie tipologičeskikh čert dialektnojazykovoj ličnosti* [A study of typological features of the dialect language personality]. In: Golev N.D., Shpil'naya N.N. (eds.) *Jazykovaja ličnost': modelirovanie, tipologija, portretirovanie (Sibirskaja lingvopersonologija)* [Language personality: modeling, typology, portraiture (Siberian linguopersonology)]. Moscow: Lenand Publ., 2014, pp. 308–347.
10. Gyngazova L.G. *Fizičeskoe i dukhovnoe prostranstvo v diskurse nositelya tradicionnoj kul'tury* [Physical and spiritual space in the discourse of traditional culture representative]. In: Rezanova Z.I. (ed.) *Kartiny russkogo mira: prostranstvennye modeli v jazyke i tekste* [Pictures of the Russian world: spatial patterns in the language and the text]. Tomsk: UFO-PLUS Publ., 2007, pp. 107–109.
11. Gyngazova L.G. Metaphorical world modelling in the discourse of the language personality of a dialect speaker. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija – Tomsk State University Journal of Philology*, 2010, no. 1 (9), pp. 7–11. (In Russian).
12. Vershinina M.G. Dialectal sound picture of the world: zoophonosphere (by the material of Permian dialects). *Filologičeskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 2013, no. 11 (29), pt. II, pp. 58–60. Available from: www.gramota.net/materials/2/2013/11-2/12.html. (Accessed: 28th November 2014). (In Russian).
13. Gol'din V.E. *Izobrazitel'nost' dialektnoj reči* [Expression potential of dialect speech]. *Byulleten' fonetičeskogo obščestva*, 2001, no. 7, pp. 49–58. Available from: <http://sarteorlingv.narod.ru/Articles/Izobrazitel.htm>. (Accessed: 20th November 2014).
14. Vershinina M.G. *Leksika prirody kak fragment dialektnoj zvukovoj kartiny mira (na materiale permskikh govorov)* [Vocabulary of nature as a fragment of the dialect sound picture of the world (based on Permian dialects)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. "Russkaja filologija" – Bulletin MGOU" series "Russian philology"*, 2013, no. 5, pp. 40–44.

Received: 10 December 2014